

Хо Янь устремил на руку Вэй Ле смертоносный взгляд.

Вэй Ле мгновенно отпустил, будто его обожгло.

Хо Янь фыркнул, развернулся и ушёл. Казалось, он всё ещё был в ярости.

У Вэй Ле задергался висок. «Да на что ты злишься? Всё из-за тебя же!»

Он забегал по снегу, обхватив себя за плечи: «Сестрёнка, рассуди, разве это справедливо? Кто-то помог твоему брату, а тот не только не поблагодарил, но и довёл помощника до того, что тот замкнулся и не хочет с ним говорить. Брат упрямо не извиняется, позволяет слухам расползаться, чужаки уже готовы растерзать того человека, поливают его грязью на чём свет стоит. Ему сейчас очень трудно, а брат и не шелохнётся — как по-твоему, брат неправ?»

Хо Юэ отложила кисть, её милое личико стало строгим и серьёзным: «Не просто неправ, а сильно неправ. Как брат мог так поступить?»

Вэй Ле ударил кулаком по ладони: «Вот я о чём!»

Пока во дворе шумели, в главных покоях Матушка Гуй тоже не могла успокоиться и спрашивала Вдовствующую великую княгиню: «Госпожа, как быть с этим делом?..»

Госпожа Линь опустила глаза на чашку с чаем: «У детей и внуков своя судьба. Посмотрим ещё.»

Своего внука она знала лучше всех. Раз он сжимал кулаки так, что кости белели, значит, уже на пределе. Неужели и вправду?..

Слухи мчались быстрее снежной бури, и их становилось всё больше. Гу Тин сумел сохранить душевное равновесие и не поддаться, но не все были так стойки.

Например, Ю Дачунь. Кто бы ни относился к этому делу спустя рукава, он обязан был придавать ему значение. Почему? Потому что, приехав в город Цзююань, он изменил все свои планы именно из-за слов Гу Тиня.

Оставить в покое семью Лю и переключиться на Терем Красного Шёлка — потому что Гу Тин сказал, что это опорный пункт Северных Ди, сверхсекретные сведения, услышанные от самого князя — Стража Севера. В случае успеха — великая заслуга! А главная в том тереме, Четвёртая госпожа Гань, якобы питала слабость к солидным мужчинам в годах, таким как он! И что в итоге? Семья Лю осталась цела, Девушка Лю уже обручена, теперь и пальцем к ней не прикоснёшься. Четвёртая госпожа Гань сбежала — эта женщина вовсе в него не влюблена, одна сплошная хитрость! А в самом Тереме Красного Шёлка после обыска не нашли ничего особо ценного, информация оказалась пустяковой!

А что если Гу Тин вовсе не «сокровище сердца», а все эти сведения он подsunул намеренно, пытаясь таким образом подняться по карьерной лестнице, используя его, Ю Дачуня, и заодно примазаться к Хо Яню? Или, что ещё хуже, если Гу Тин и есть человек Хо Яня, и всё это — ловко сплетённая Хо Янем сеть? Если он его подставил, то Хо Янь только выиграл!

Нет, Ю Дачунь не мог стерпеть такого унижения. Погладив подбородок, он махнул рукой, веля «пригласить» Гу Тиня.

С него сняли мешок с головы, развязали повязку на глазах и вынули тряпку изо рта. Ю Дачунь,

щурясь, ухватил Гу Тиня за подбородок и похлопал по щеке: «Не скажешь по виду, господин Гу, такой нежный да белоручка, а врешь — заслушаешься.»

Гу Тин: ...

На сей раз его оклеветали понапрасну. Он от чистого сердца дал информацию, а этот глупец оказался настолько бестолковым, что даже полезных сведений добыть не сумел. Кому же пенять?

— О чём вы, ваша милость? Да кто ж посмеет обмануть вас? Не вышло ли какого недоразумения?

Ю Дачунь прищурился: «Терем Красного Шёлка — это ведь ты мне сдал.»

Гу Тин выдавил улыбку: «Верно. Я её у князя с великим трудом выведал.»

Ю Дачунь усмехнулся: «Да только толку — кот заплакал. В том тереме ничего путного не нашлось, Четвёртая госпожа Гань сбежала, до сих пор не поймали...»

— Так чего же вы медлите? Бегите ловить! — с притворным сожалением воскликнул Гу Тин. — Людишки у вас, ваша милость, что-то не очень справляются.

Ю Дачунь усилил хватку: «Это мои люди не справляются, или твоя информация липовая? А?»

Гу Тин: «Ваша милость... мф...»

Ю Дачунь не отпускал его подбородок, взгляд стал мрачным: «Гу Тин, знаешь, где ты находишься? Скажешь правду — можешь ещё живым отсюда выйти. Иначе...»

В резиденции князя — Стража Севера.

Весь в поту, Вэй Ле ворвался внутрь и, словно обезьяна, принялся носиться в поисках Хо Яня: «Князь? Где князь? Беда!»

Как раз в это время госпожа Линь, опираясь на руку Матушки Гуй, вышла на крытую галерею и, увидев Вэй Ле на дереве, поманила его: «Ну-ка, Ле, спускайся, пирожного покушай.»

Увидев Вдовствующую великую княгиню, Вэй Ле растянул губы в натянутой улыбке: «Сегодня... не стоит, бабушка. Дела у меня, право слово. Вернусь — обязательно с вами поем.»

Он больше не смел кричать о беде и даже имя князя не решался выкрикнуть.

Госпожа Линь улыбалась с материнской теплотой: «Пирожное не помешает. Давай, спускайся, попробуй, по старому рецепту Матушки Гуй, понравится.»

Вэй Ле готов был расплакаться: «Бабушка, правда, дела...»

Госпожа Линь вздохнула: «Дети выросли, все по делам бегают. Янь — так, ты — так...»

Вэй Ле уловил имя: «Бабушка, что вы сказали? Князь вышел?»

Госпожа Линь: «Сидел себе спокойно, да вдруг, услышав про что-то, ушёл. Что-то про Ю Дачуня. Даже переодеться не успел.»

Вэй Ле тут же сообразил: значит, уже отправился с Ю Дачунем разбираться? Ха-ха, так и знал! Не может князь быть таким бессердечным, всё это — личина! Не выдержал!

— Бабушка, подождите, сейчас спущусь и пирожное съем!

Зато он какой — и красавец, и послушный, и почтительный! То-то!

...

На сей раз Ю Дачунь не церемонился. Гу Тин несколько раз пытался разрядить обстановку, но тщетно. «Конец, — подумал он. — Кончина моя пришла. Не надо было так рисковать, ей-ей!» Но даже если умирать, то позже всё же лучше, чем раньше. Кто не хочет пожить подольше? Авось, выкрутится да и придумает, как ещё этого болвана одурачить?

— Значит, ваша милость мне не верит, — с глубоким сожалением произнёс он.

Ю Дачунь: «А есть у тебя что-нибудь, чтобы я поверил?»

Гу Тин вздохнул: «Не могу же я вам об постельных привычках князя рассказывать, правда? Меня в спешке притащили, охрана не сказала, что это вы зовёте, а то бы я какой-нибудь княжеский знак прихватил, для уверения...»

— Вижу, не сдаёшься, пока гроб не увидишь. Я слишком мягко с тобой обращался. — Ю Дачунь сделал знак, и в горницу вошёл мужчина.

Мужчина был слегка сгорблен, мышцы вздуты буграми, шрам от ожога тянулся ото лба до правой щеки — такое уродство могло бы ребёнка напугать. Взгляд его был холодным и зловещим. Увидев Гу Тиня, он медленно облизнулся, уголок рта потянулся вверх в странной, похотливой ухмылке.

Гу Тин насторожился.

— Кому грязь да вонь — не по нутру, а иной на такое падок, — сказал Ю Дачунь, взглянув на клепсидру, а затем на Гу Тиня. — Полчасика. Надеюсь, к тому времени ты станешь поговорчивее и сможешь поговорить со мной по-хорошему.

Гу Тин сглотнул: «Ваша милость... это как-то не того...»

Ю Дачунь проигнорировал его и обратился к уродцу за спиной: «Небось, запал? Давай.»

Тот поклонился Ю Дачуню до земли и тут же направился к Гу Тину. Идя, он расстёгивал пояс, слюна непрерывно текла из уголка рта, а во взгляде мерцала зловещая искра.

Гу Тин насвистел: «Ладно! Коли больше моего да ухватка хороша, так я, господин, даром потешусь!»

Чем беспечнее он выглядел снаружи, тем яростнее ругал Ю Дачуня в душе.

Чтоб тебя! Ю Дачунь, ты не человек, а тварь! Выберусь отсюда — в ключья разорву, четвертую!

Рука мужчины уже тянулась к нему.

Свет перед глазами медленно мерк, всё тело накрыла тень противника. Кругом стояла гробовая тишина, в ушах, казалось, лишь стук крови, выталкиваемой сердцем и бегущей по

жилам. Кровь была такой горячей, такой живой. А скоро, быть может, остынет, запачкается, станет отвратительной до тошноты.

Возродившись вновь, столько сил положив, столько потрудившись, — и всё ради такого конца?

Вдруг ворвался ветер.

Ледящий северный ветер, холодный, колкий, отрезвляющий. А в этом ветре — человек, ворвавшийся словно ледяной клинок, стремительной тенью мелькнувший перед глазами.

Никогда ещё Гу Тин не находил стужу северного ветра такой ласковой, никогда ещё чья-то тень не казалась ему столь высокой и доблестной, подобной нерушимой горе или стройному кипарису, — безопасной и вселяющей надежду.

Хо Янь двигался стремительно и бил наотмашь. Одного удара хватило, чтобы прикончить человека перед Гу Тином. Тот даже вскрикнуть не успел, тело рухнуло наземь, и по полу расплзлось алое пятно.

— Трогать людей, принадлежащих мне, — ты спрашивал моё соизволение?

Хо Янь стоял за пределами лужи крови, взгляд холодный, словно горный лёд, что никогда не тает. Даже неторопливое движение, которым он поправлял рукав, дышало надменной отстранённостью и ледящим безразличием.

Ю Дачунь почувал сладковато-медный запах крови, воздух стал морозным и грозным. Он хотел было пошевелиться, но ноги словно вросли в пол, и он не смел сделать ни шага.

Хо Янь повернулся и принялся развязывать верёвки на Гу Тине.

Он стоял, опустив глаза. Ресницы у него были длинные, густые. Может, оттого, что мчался сломя голову, на ресницах застыли снежинки — до сих пор не растаяли.

<http://bllate.org/book/16279/1466048>